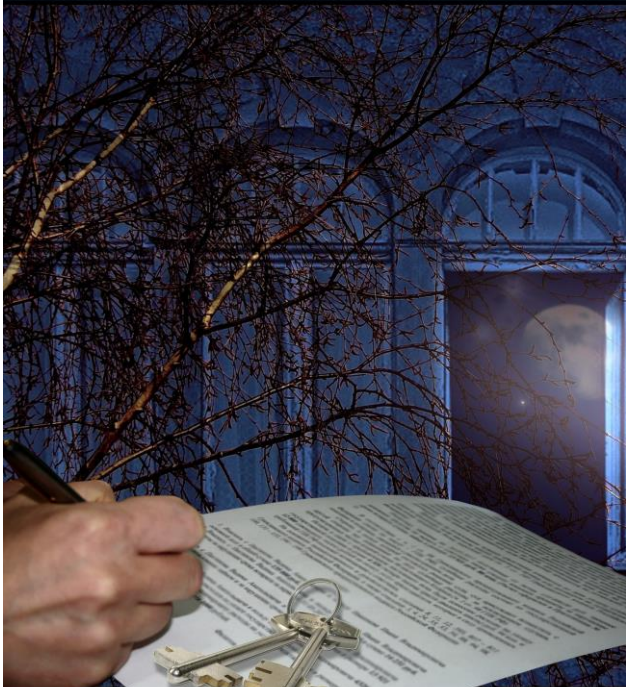

**Николай
Стариншиков**

**ПРОКУРОРСКАЯ
КРЫША**

«На срок жизни», — говорится в договоре о пожизненном содержании с иждивением. При этом имеется ввиду, что держатель ренты обязуется в течение жизни оказывать материальную и иную помощь лицу, передавшему ему в собственность квартиру либо иной вид недвижимости. Однако тут возникает главный вопрос: а не укоротят ли принудительно этот самый срок?

Николай Старинщиков

Прокурорская крыша

Я по смерть кормить тебя
буду!
Я лучше зипун свой последний
продам,
Пойду в кабалу, а тебя не
забуду,
И крошку с тобой разделю
пополам.

И. С. Никитин.
«Порча»

Глава 1

Какой-то умник сказал, что старого человека болезни не беспокоят. В старости их, мол, становится слишком много, чтобы переживать по каждой в отдельности. Это он, конечно, загнул от незнания предмета. Болезни еще как беспокоят.

Александр Сергеевич повернулся на другой бок, скрипя кроватью, и тяжело вздохнул. Сна — ни

в одном глазу! А еще говорят, что можно привыкнуть к одиночеству.

Сергеич поднялся и стал бродить в потемках по квартире, пользуясь светом снаружи. От кровати — к окну. От окна — в коридор, оттуда на кухню.

Однако бродить вскоре тоже надоело. Сергеич у окна остановился, прижавшись коленями к теплой батарее. Весна за окнами. На темном асфальте блестит вода. Лушников любит этот сезон. Скоро он уедет на дачу до самой осени. Квартиру сдаст под охрану и будет жить себе на вольном воздухе. В сельской местности вернется здоровый сон, голова перестанет кружиться. А Тамара Борисовна станет к нему приезжать. Непременно... Поскольку летом в городе лучше не жить — экология здесь никуда не годится. Вот опять голова закружилась, а в груди как бы замерло...

Сергеич уцепился рукой за форточку и с трудом отворил. Болезнь привязалась к нему с самой осени. И, что характерно, определить не могут в больнице, что за слабость такая у него в организме. Врачи говорят, что это надолго. На всю оставшуюся жизнь, хотя и не смертельно. До ста лет можно прожить с таким недугом — для того и лекарства существуют, чтобы поддерживать человека.

Лушников устал думать, его вдруг потянуло в сон.

«Слава тебе, господи! — подумал он, боясь спугнуть сонливое состояние. — Кажись, усну...»

Он вернулся к кровати, лег на бок. Укрылся. И сон снова незаметно и крепко овладел телом.

Во сне Лушников снова летал над бесконечными джунглями, а позади у него сидела его жена — Лушникова Ирина, живая и здоровая. Сергеич удивлялся: каким образом она там разместилась, если самолет одноместный?

В воздухе кружил противник. Это были самолеты с американскими звездами. Санька Лушников, молодой лейтенант, летал над Вьетнамом. Без документов в карманах...

На этот раз его подбили. Самолет, увеличивая скорость, пошел штопором в землю.

Ирина вцепилась ему пальцами в плечи и кричала изо всех сил:

— Чем ты раньше думал, старый дурак?! Нежели тебе до сих пор не понятно?!..

После падения Александр Сергеевич долго соображал. Тишина. Будильник щелкает электрическим механизмом. В квартире все тот же полумрак.

Лежа на полу, ощупал лицо. Так жаль, что кончился полет. Ирина была рядом — рукой дотянуться можно...

Сергеич опять забрался на кровать, отвернулся лицом к ковру, подтянул одеяло и тут

же задремал. Теперь без сновидений.

Проснулся поздно. В голове снова стоял вчерашний гул, словно трактор работает за углом. На самом деле никакого там трактора нет — проверено неоднократно.

Долго лежал, пялясь в окно и все больше наливаясь шумом. Потом опустил ноги с кровати, сел и задержал дыхание: этот простой прием помогал когда-то снижать давление и устранять головную боль.

В квартире душно. Встать бы да открыть все до одной форточки, но голова не дает покоя. Даже шею напрячь нет сил — словно три дня пил беспробудно. А ведь бывший летчик. На здоровье никогда не жаловался... Вот она, старость. Хоть бы сына увидеть еще разок. Но от него ни ответа, ни привета. Может, и в живых давно нет...

Дверной звонок прервал тягостные размышления. Сергеич обрадовался. Кому-то понадобилось прийти. Выходит, не все потеряно.

За дверью стояла Тамара Борисовна — миниатюрная, худощавая, хищная. И живая. Прямо пульсирует вся, как одноклеточный организм в период деления.

Лушников поддернул штаны и посторонился. Проходите, пожалуйста. Кучерявый пушок на голове пригладил пятерней.

— На улице-то сегодня! Ой! Прямо

прелесть! — лепетала Тамара. — Что у тебя со лбом?!

— С кровати упал...

— С кровати? — Тамара загадочно улыбнулась. Руки проворно бегают по сумкам. — Уколемся для начала... Потом прогуляемся...

Однако бывший летчик-истребитель от укола отказался, молча подняв кверху обе руки. И без того голова кружится, а тут еще эти лекарства. Надо потерпеть.

Сели обедать. Или, может быть, завтракать. Лушников покосился в сторону часов на стене.

— Что? — поймала его взгляд Тамара.

— Середина дня, — тяжело вздохнул Сергеич.

Со вчерашнего дня у него оставалась нетронутой печеная курица. Лушников специально ее приготовил, надеясь, что Тамара Борисовна придет ночевать, но та не пришла. Сделала вечером ему инъекцию и ушла, сославшись на занятость, и не вернулась. Спросить бы, в чем причина «прогула», да разве же спросишь? Не жена. Хотя оба считают, что живут гражданским браком вот уже почти год. Заблудшая овца. Александр Сергеевич сильно ее жалеет: Тамара живет в бывшем общежитии — без прописки, без ордера, на птичьих правах. И еще, говорит, дочь у нее где-то имеется.

— Устала тоже. Легла отдохнуть — и

уснула, — бормотала она. — Проснулась — утро. Прости старушку...

Так и сказала, хотя намного моложе Сергеича. На вид ей лет сорок.

Сергеич снисходительно качнул головой. Достал из холодильника бутылку водки, распечатал и налил в рюмки — воскресенье все же.

— Ты все-таки подумай насчет договора, — взялась «старушка» за давнюю тему.

— Потом...

Сергеичу надоели уговоры. Опустив голову, он смотрел теперь в рюмку. Прозрачная жидкость вздрагивала.

— Сейчас уже многие заключили договоры... — продолжала Тамара. — Ты же не один такой будешь у них...

— Мелко плавают, — ворчал Сергеич. — Встанут на ноги, тогда и посмотрим.

— ... каждому по телевизору, ежемесячная добавка к пенсии и полное освобождение от платежей, — перечисляла Тамара. — Подумай только.

Лушников нетерпеливо мотнул головой. Уже подумал. И протянул руку со стопкой.

— Может, хоть голова перестанет шуметь... — сказал он. — С воскресеньем...

И торопливо задрал кверху лицо вместе с рюмкой, потом вернул пустую на стол и

сморщился, блуждая глазами по столу. Чем бы таким закусить, чтобы не больно жирно, но чтобы вкусно. Наткнул на вилку огурец и принялся жевать. Быстрая как молния мысль пронзила насквозь. Сколько осталось еще таких вот упругих огурчиков в жизни испробовать? Хорошо — банок десять. Или, может быть, бочку... А если нет?! Если отмерено ему совсем ничего? Надо подумать над предложением Тамары Борисовны. Все-таки она медицинская сестра. С хирургом когда-то работала, пока из Средней Азии на Среднюю Волгу не переехала...

— Я подумаю, — твердо пообещал он. — Как это называется? О пожизненном содержании с иждивением?... А я, значит, иждивенец буду...

— Ну да!

— Понятно...

Тамара закусывать не торопилась. Явно где-то накормили. Где — не скажет, хоть пытай. Черт дернул связаться. Не может без нее теперь Александр Сергеевич. Прилип.

— Ешь, говорю, курицу, — велел хозяин. Он взял в руки длинный нож. Отпилил ножку и протянул.

— Кушай. Ноги ведь еле носишь...

Однако та продолжала все ту же тему:

— Ты только представь себе... Никаких проблем. Подписал бумажку — и гуляй себе на

здоровье. Раз в месяц к тебе приходят, деньги приносят, уколы делают.

— Серьезно, что ли?

— В зависимости от медицинских показаний...

Тамара попробовала ножку: сообразил целиком птицу в духовку засунуть. Женщина бы до такого не додумалась.

Выпили еще по рюмке, закусили и принялись собираться.

— Странно, — удивлялся Лушников. — Голова больше не кружится... Выходит, сто грамм — самое лучшее лекарство.

— Это пока, — возражала Тамара Борисовна. — Потом хуже будет. К тому же, если превысить дозу...

Тамара принялась развивать похмельный вопрос. Сергеич внимательно слушал. Гражданская жена — все-таки медик. Кто, кроме нее, может подсказать. Придется подчиниться и жить согласно рецептам.

Они выбрались из квартиры на улицу и пошли по тротуару среди прочих прохожих.

Бывший летчик во все ноздри дышал весенним воздухом. Лицо порозовело.

Они повернули в сторону магазина «Полянка» и встретили по пути старого знакомого и родню Ваню Гирина. Сергеич остановился, несмотря на

холодный взгляд молодой супруги.

— Как живешь, Иван? Не летаешь больше на своем вертолете?!

Естественно, Ваня давно не летал. Это была всего лишь шутка.

Иван протянул крепкую руку:

— Давно тебя не видел, — и уставился вопросительно на женщину.

— Тамара Борисовна, — улыбнулся Сергеич. — Моя супруга.

— Когда ты успел?! — удивлялся Гирин. — И ничего не сказал!

— Да мы это... Без росписи.

— Тогда понятно. А ты слышал, может? Этот, Уляхин который... Николай... Кажется, с катушек съехал полковничек. Квартуру придумал на меньшую обменять. Чтобы, говорит, меньше платить. Ну?... Не дурак ли?!.. И жена у него согласилась...

Тамара Борисовна незаметно придавила Лушникову пальцами у локтевого сгиба. Стоять неохота человеку.

— Не работаешь? — продолжал спрашивать Гирин.

— Какой там! — Александр Сергеевич отрицательно качнул головой. — Сам еле хожу, а ты говоришь — работа...

— Сын-то хоть пишет? — допрашивал

бывший товарищ.

— Нет, — добросовестно признался тот. — Не пишет уже чуть не год. И концов найти не могу. Надо бы запрос в округ послать, да все некогда. Болею. Голова кружится.

— То-то я смотрю на тебя — зеленый ты. — Гирин внимательно взглянул на друга. — Бледный. Какой у тебя диагноз?

Ответ оказался удручающим: «Опущение всего организма».

Гирин оттопырил нижнюю губу. Интересный диагноз. Старухам обычно такие ставят. Специально. Чтобы не приставали к людям с расспросами. Надорвались по молодости — к чему теперь вопросы!..

— Ты больше гуляй, — учил вертолетчик Гирин. — На свежем воздухе. Нагружай большие мышцы тела...

— Какие?

— Ноги!.. — воскликнул Гирин. — И таблетки жрать перестань! От них у тебя все дела! Понял?!

Лушников мотнул головой. Вроде бы понял.

Гирин даже смотреть не хотел в сторону Тамары Борисовны. В квартиру вцепилась — не оторвешь. Сказать бы об этом Лушникову, да разве же он поверит. На тридцатник подцепил себя моложе и доволен, маразматик.

— А вы кем работаете? — обернулся он все же к даме.

— Медсестрой...

Гири́н получил ответ, скомкал губы и опустил книзу глаза, неторопливо соображая.

— Вот оно что, — проговорил. — Медсестра, значить? Это для него хорошо. — И к Сергеичу: — Это как раз для тебя...

И пошел прочь, тряся головой и все больше удивляясь. Это ж надо! Молоденькую отхватил.

— Кто такой? — спросила Тамара Борисовна поникшим голосом. — Что ему нужно?

— Кто его знает... — Лушников пожал плечами и шагнул дальше.

Возле газетного киоска он опять притормозил. Конвертов купить бы. Письмо не во что положить для сына.

— Чего тебе? — Тамара вновь уцепилась в локоть.

— Конверты... — произнес Сергеич тоскующим голосом. Однако Тамара его осадилла. У нее дома целая пачка... Зачем ему деньги тратить.

— Принеси тогда. Письмецо хочу написать... — оживился Лушников.

Тамара не ответила — лишь прижалась грудью к его руке и вновь отпрянула. Разговор на уровне жестов. С Ириной у Сергеича было все по-другому. Та старалась говорить языком. Она

давно разыскала бы сына. Сынок тоже хорош: появился в прошлом году на години матери, увидел, что отец связался с какой-то медичкой, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. А ведь Александр Сергеевич не встречную-поперечную нашел себе тоже. Медицинского работника. Ирина тоже была медиком. Первая. Родная жена.

Сделав крюк вокруг квартала, они вернулись к дому, остановились у подъезда. Под ложечкой у Лушниковы сосало. Проголодался. Голова не шумела, хотелось жить и даже творить на благо общества.

— Я почему вчера не пришла-то, — вспомнила Тамара. — У меня же дочь со внуком приехала. Вот такие дела... — Она опустила голову. — Даже не знаю, как теперь помещаться будем в комнате... Она ведь решила, что здесь будет жить. Неудача у нее вышла в жизни.

Сергеич оживился при этих словах: — А ты совсем перебирайся ко мне! Жить будешь у меня, а они там пусть кувыркаются...

Тамара кивнула, продолжая смотреть под ноги. Задала дочка задачу: решай, мама, а она будет рядышком сидеть и посматривать, когда за нее решают.

— Пора мне... Жрать небось хотят...

— Нет, ты погоди! — встрепенулся Сергеич. — А вещи-то?... Я помогу. С дочерью за

одно познакомлюсь...

— Потом как-нибудь. А вещи не надо пока трогать. До вечера.

Она шагнула от подъезда. Ее ждали дела.

— Конверты не забудь.

Тамара остановилась. Удивленно посмотрела Сергеичу в лицо.

— Позабыла совсем... Обязательно принесу...

И на почту отнесу, а ты пиши пока.

Она развернулась и, не оглядываясь, пошла к себе домой, на соседнюю улицу, оставив Сергеича одного размышлять о смысле жизни и мужском одиночестве. Там у нее теперь своя родная кровинка.

Вот и скажите в таком случае, думал Сергеич, может такая жизнь человеку понравиться или нет?! Только что было их двое — и вдруг вновь одиночество нахлынуло. Может такая ситуация удовлетворять человека? То-то и оно! Потому и стремился Сергеич вырваться из нее. Сын вот только не хочет понять. Уехал к себе на остров и молчит. Гордый...

Лушников вошел в подъезд. Дом у него был старинной застройки, располагался в центре города. Метровой толщины стены, высокие потолки. И не шумно, потому что в стороне от транспортного потока. Эту квартиру боевому летчику выделил областной военкомат, когда командир эскадрильи

ушел со службы и вернулся в родной город.

Когда это было? Вьетнам. Семидесятые. Потом был север, а еще позже — юг. Везде удалось побывать Сергеичу — письмо сыну вот только не успел дописать.

Он отворил квартиру. Скинул куртку, ботинки и прошел на кухню. Прогулка пошла на пользу. Можно и стопку выпить. Почему нет, если делать нечего и пенсия позволяет?

Но пить он не стал, решив вначале взяться за письмо. Присел к письменному столу, взялся за ручку, задумался. И тут снова стала кружиться голова. Но это же просто поразительно — только что все было прекрасно, и вдруг крыша поехала. Значит, действительно дела плохи. Нельзя ни есть, ни пить. Ничего нельзя. И мыслить здраво тоже нельзя.

Неужели против этого нет никаких лекарств? Съел, например, таблетку долларов за сто, но чтобы сразу полегчало. Тамара говорит, что такое лекарство давно разработано. Надо лишь слегка поднапрячься финансово. Иначе так и будешь страдать от ослабления всего организма.

Добравшись до дивана, Сергеич лег, остатками сознания понимая, что ночью опять не будет сна. Бессонница и хождение по квартире опять обеспечены. Если, конечно, Тамара Борисовна снова не придет. Она будто бы слово

знает какое-то. Пошепчет. Даст воды кисленькой выпить — и бессонницы как не бывало. Но если и это перестанет помогать, Сергеич сядет на хлеб и воду. Этот метод непременно поможет...

Подумал — и словно в яму провалился.

Глава 2

— Берешь группу — и в дозор!.. Об остальном позже поговорим! Нашел тоже время...

Начальство отводило глаза. Опять некого послать в тайгу, кроме майора Лушникова. Самое сейчас время на тропинках сидеть, а народу в отделе — шаром покати.

Лушников хмурился: он согласия своего не давал, чтобы в лесу служить безвылазно. Для того и рапорт подан, чтобы его рассмотрели, наложили должную резолюцию. Лушников дальше пойдет, если опять откажут. Он своего добьется, потому что ему много не надо. Ему нужен всего лишь перевод в другое место службы. Он устал. Ему надоело. Он скоро сам на медведя походить будет.

— Продукты на три дня... — продолжал начальник отдела. — Боеприпасы. Бронежилеты... Сядете и будете ждать. Сведения точные... Костры не жечь! — Начальник взглянул искоса и добавил: — А потом и рапорт подпишем... Удачи тебе, майор. О задании знаешь лишь ты да я. Учти этот

факт и держи язык за зубами.

Лушников промолчал. Взглянул тоже искоса. В течение года не может добиться перевода — хоть увольняйся.

Подполковник продолжил, вставая:

— Вот она у меня где, эта подпольная бригада, — чиркнул себя ладонью под подбородком. — Так что на счет припасов не скупись. Сам знаешь: где три дня — там и десять. А то и...

Закончить ему не дали. Дверь отворилась, и в кабинет вошел заместитель по оперативной работе. Тоже подполковник. Из Южно-Сахалинска недавно перевелся. Из молодых, но ранний. С наскака норовит задачи решать. Явный претендент на должность начальника отдела.

Лушников молча встал. Разрешите идти? И вышел, не говоря больше ни слова.

Вся остальная часть дня была истрачена на сборы. В группе все те же четверо оперативников. Лушников в качестве старшего, пятым. И еще трое: охотовед, егерь и помощник прокурора из природоохранной прокуратуры. Целое отделение набралось. Восемь человек.

Они собрались в гараже у охотоведа Чурикова. Прикидывали, хватит ли припасов. Думали с пятого на десятое. Пришли к убеждению, что с неделю на припасах выдержать можно, и

решили на ночь ехать, чтобы уж точно никто в пути не заметил. В канистрах бензин и вода. Двести километров на север, а там — залечь. Чтобы уж точно...

«Уазик» долгих два часа монотонно гудел асфальтовой дорогой. Потом дорога сменилась. Проселок. Лога и овраги. В низинах по-прежнему лежит снег. Только бы не застрять. Но бог миловал — нигде не сели. Миновали две деревни и один крупный поселок. Прошли еще километров двадцать, пока не уперлись в непролазные пихтовые дебри. Здесь и решили остаться до утра, спрятав микроавтобус между косматых пихт.

В ста метрах от машины выставлен парный пост.

— Кто следующий на смену?

— Прянишников...

Чайник, поставленный на переносную печь, вскипел за пятнадцать минут. Собрали походный столик, нарезали хлеба, открыли тушенку. Сделали бутерброды и принялись ужинать, прихлебывая из походных кружек заварку. Лампочка в потолке едва светила от запасного аккумулятора.

Прянишников с Замалетдиновым закончили ужинать и взялись за автоматы, собираясь уйти в темноту. Те, что стоят сейчас у тропы, тоже хотят есть.

Водитель выключил свет в салоне.

— На тропу не выходите, — напомнил Лушников. — Следы не оставляйте.

— Сами тут не кричите, — ласково огрызнулся Прянишников, — а то раскричитесь — не остановить будет... И дверцами не гремите... И светом не балуйте...

Напрасные слова. Об этом все давно знают: на свет или на звук может пуля прилететь из карабина или из автомата. Либо могут обойти стороной. Тогда точно будут напрасны старания.

Смена вернулась к машине. На одежде крупинки снега. Подсели к печке и принялись ужинать при свете крохотной лампочки.

Лушников лежал на боковом сиденье. Помощник прокурора напротив. На поперечном сиденье еще один. И двое на полу, подстелив кошму.

«Только бы не упустить на этот раз, — думал Лушников. — Самое здесь место, где встреча для нас неизбежна... Главное — застать их врасплох...»

— Как вы думаете, Николай Александрович, — подал голос помощник прокурора. — А если они не пойдут этой дорогой? Тогда что?...

— Тогда и мы снимемся, — скрипнул в ответ Лушников.

Присутствие прокурорского «ока» приносило одно беспокойство. На кой ему сдалось надзирать

за законностью?

— Не пойдут, — буркнул полусонно охотовед. — Нет здесь другого пути...

И вновь тишина. Задача группы — быстро выйти к лощине при получении сигнала по рации.

Ночь тянулась бесконечно долго. Лушников то дремал, то ходил к посту, всматриваясь в окрестности через прибор ночного видения. Возвращался и снова дремал в один глаз, пока под утро не уснул тяжелым сном: спал в обнимку с медведицей. Та умудрилась лизнуть его мокрым языком и сильно сжала в порывах ласки. Стиснула так, что кости в плечах окончательно занемели.

Майор велел себе проснуться. И вроде бы уже дважды просыпался, однако это был снова сон. Чудно было майору. Надо всего лишь подняться, но нет сил, чтобы справиться с самим собой. Словно думаешь вынырнуть из толщи воды и не можешь. Душа немеет, бьется в железных тисках, но ничего не может поделать.

И все-таки Лушников проснулся, сбросив с себя гнетущее наваждение и разминая затекшее плечо. Тишина. Сумрак. Дизельная печь по-прежнему работает. Топливо убавлено, но в салоне тепло.

Вынув из бокового кармана рацию, майор нажал кнопку вызова.

— Как оно?... — тихо спросил.

— Все так же, — ответили ему. — Без изменений.

— До связи...

Проговорил и снова задремал, потом вздрогнул, потому что пискнула рация.

— Семеро в тайгу направляются... Со стволами... Что будем делать?

— Замрите... Нам нечего им предъявить.

— Вас понял. Пропустить. — И вдруг снова голос: — У них собаки... Что делать?!

— Покажи ей кинжал. Если лайка — должна понять. За других не ручаюсь.

Лушников, чавкнув автоматным затвором, дослал патрон в патронник. Помощник прокурора проснулся.

— С добрым утром, господа...

— Ага... С добрым... — ответили ему сквозь зубы:

Охотовед вытащил из кобуры табельный пистолет. Егерь обнял нарезной карабин.

— Мимо прошли, — остановил их Лушников. — В лес двигают...

— Ну?...

Майор не торопился. Если уж брать, так с поличным. И если стрелять, то из-за угла. Желательно из кривого еврейского ружья. Жаль, нет таких пока что на вооружении в МВД.

Где-то далеко лаяла с надрывом собака. Ей

вторила басом вторая. Надо ждать. Все равно туда не успеть — только шум зря поднимется.

— Как обстановка? — снова спросил он по рации. — Прошли?

— Проходят... Собак подзывают... — прошептали в ответ.

Вскоре на посту произошла смена. Оба оперативника поднялись в машину, шмыгая носами.

— Скачет передо мной, зубами щелкает, а я за деревом спрятался, — торопился один. — Глаза горят — того и гляди цапнет. Показал ей кинжал: она облизнулась — и убежала, стерва...

— Вот и ладненько, — сказал Лушников мог. — Осталось дожидаться, пока с грузом назад не пойдут.

— К вечеру разве что... В потемках... — проскрипел помощник прокурора.

— Не так скажите, — оживился егерь. — В копчике у браконьера засвербит — он и днем побежит.

День прошел в напрасных ожиданиях. Снова пили чай. Ходили на пост, вполголоса разговаривали, спали. Выпавший ночью снег, потихоньку растаял.

Под вечер майор Лушников, прихватив с собой снайперскую винтовку и мегафон, решил еще раз осмотреть район. Вышел из машины и двинулся

вглубь тайги. Приблизился к косогору, но опускаться в лощину не стал. Охотничья тропка опускалась ко дну громадного мокрого лога и поворачивала по его дну направо. Рядом с тропой журчал ручей. Он был неплохо виден среди редких лиственниц. Другая сторона лога заросла кедровником.

Шагая вдоль склона, в одном месте спугнул зайца. Тот порскнул вдоль лога и скрылся из виду. Сорока в отдалении зашлась истошным криком. Вероятно, заметила беглеца и решила поиздеваться вдогонку. Либо это мог быть человек. Лушников затаился, припав к дереву, но так никого и не дождался. Все та же тишина, холод и безветрие.

Потом обошел густой подлесок, делая крюк и удаляясь от косогора, и снова вышел к лощине, оказавшись в тылу у поста наблюдения. Оперативники сидели в небольшом углублении, под пихтой. Среди зарослей виднелись их спины. Подчиненные его не заметили. Вероятно, увлеклись разговором. Лушников наступил на валежину, хрустнул сучком, пугая молодых лейтенантов. Те быстро обернулись. На лицах страх. Затылками ощутили оплошность.

Майор нырнул к ним в укрытие. Окурки. Пепел. Горелые спички. А ведь те, что неделями бродят по лесу, могут почуять дым.

— Один смотрит вперед — другой назад.

Хоть лежа, хоть стоя... — произнес вполголоса Лушников. — Тогда вас не застанут врасплох.

Ребята молча соглашались. Лица синие. Застыли без движения.

— Идите в машину, погрейтесь, — велел майор. — Я один посмотрю. С часок. Потом по графику.

Оперативники поднялись и пошли в полный рост к базе.

Тихо под пихтой. Мягко. Прошлогодняя паутина висит неподвижно. Внизу темнеет меж деревьев сырая тропинка. Век просидишь здесь и ничего не дождешься, если опять кто-то предупредил вольных стрелков. Такое уже было. Дважды. И трижды будет. И четырежды. Время такое...

Сутки минули, как Лушников с командой торчит в лесу. Глаза сами собой слипаются в усталой дреме. Место для наблюдения хреновое. Тропинку вдали совсем невидна. Все здесь плохо. И майор тоже плохой. Одичал Николаша в лесу...

Сорока опять всполошилась, прогнав полусон. Неспроста.

«Караул!!! — орет дурным голосом птаха. — Опять люди идут! Кусты топчут! Сейчас пальнут в белобочку — спасайся кто может!..»

Бестолочь лесная. Что видит, о том и кричит. Не заяц и не медведь — это точно. Николай припал

к оптическому прицелу — и никого не увидел, пусто на тропинке. Вплоть до дальнего изгиба. А сорока меж тем орет: «Натаскала сучьев себе на гнездо — того и гляди растащат эти, которые на двух ногах!..»

Лушников перехватил винтовку у ствола под ремень, отполз от косогора. Затем поднялся и двинулся в полный рост, уходя все дальше от базы. Потом сообщил по рации об отходе, велел подготовиться и ждать. Говорил вполголоса.

Вскоре он уперся в поперечную ложбину и сразу увидел среди редких высоких осин внизу нескольких человек. По привычке стал считать. Полтора десятка набралось. Каждый тащил на себе мешок, оружие. Лучшего места для задержания не придумать. Редкий лиственный лес. По весне без листвы и оттого светлый и просторный.

Майор пригнулся к земле, отошел от ложбины и стал монотонно проговаривать в микрофон. Видит столько-то. В таком-то облачении. Двигаются из леса и скоро будут. Велел своим разделиться на две группы и выходить к логоу с двух сторон. Рассеяться и ждать.

Кажется, его поняли. Рядом на косогоре раскидистая пихта. Лушников осторожно вполз под дерево, затаился, снова выглянул: цепочка людей внизу молча тянулась мимо.

— Как оно? — снова шепнул он по рации.

— Стоим, — ответили ему. — Никого пока что не видим...

— Прянишников — за старшего. Выстраивайтесь подковой и ждите. Я нахожусь у них в тылу.

Проговорил, выполз из-под пихтовой лапы и стал опускаться в лог. Медленно, обходя заросли и стараясь не задевать ветки. На нем пятнистая ношенная форма цвета прошлогодней травы. Серое с зеленым. Но те, что внизу, тоже не луком шиты.

Когда достиг дна, мужики с мешками на спинах покачивались уже далеко впереди, поднимаясь в верховья лога. Хорошо идут. Торопко. Сразу видно, привыкли к большим переходам.

Ручей ворчал. Лушников нашел узкое место и перепрыгнул через него. Быстро миновал пустынное пространство и пошел вдоль тропы, прижимаясь к противоположной боковине, прячась среди деревьев и не упуская из виду группу. Следовало сокращать расстояние, оставаясь незамеченным.

Тропинка поднималась кверху. Лог почти что закончился. Майор припал к прицелу, бросив перекрестье прицела по верху косогора. И тут же увидел, что на него смотрит в бинокль Прянишников.

Лушников поднял большой палец к небу и

упер себе в грудь. Пора. Майор выходит из укрытия.

Он так и сделал. Вышел из-за дерева, поднося ко рту мегафон. Устройство громко кашлянуло — путешественники с мешками остолбенели.

— Всем стоять на месте! — пронеслось вдоль ложбины. — Гарантируем безопасность и справедливое разбирательство! Оружие положить на тропинку, отойти всем вперед! На сотню шагов!

Вот он — фактор неожиданности. Тот самый момент, когда из противника можно лепить фигуры. У тех секундное замешательство. Мешки повалились с плеч.

Однако испуг быстро прошел. Один из путников бросился вперед, надеясь, что впереди никого нет. Потом развернулся, передергивая затвор. Торопливая очередь хлестнула по кустам, сырой земле и близкому косогору. Потом еще раз. С деревьев сыпалась хвоя.

Лушников вжался в землю у корневищ вековой пихты, ловя автоматчика в перекрестье прицела. Стрелок стоял во весь рост, раскорячив ноги. Для устойчивости.

Майор совместил перекрестье с человеческой развилкой и медленно, не дыша, выбрал слабинку спускового крючка. В плечо толкнуло отдачей. Стрелок взмахнул руками и упал навзничь, задрал ноги. Его словно ударило невидимой кувалдой в

середину груди. Винтовка пристреляна под обрез мишени: целишься в крестец — попадаешь в грудь. Как все винтовки. Майор подумал об этом, глядя на лежащего стрелка, и нисколько того не жалел. Обстоятельства не располагали к теплым отношениям.

Остальных это однако не отрезвило. Выстрел прозвучал лишь один, значит, и мент один. Дурачок какой-нибудь. Из молодых. Природу собрался охранять от разграбления.

Вразнобой и зло клацнули затворы. Лушников успел откатиться в низину. «Путешественники» знали, куда стрелять: в пихту словно били ломом.

Майор вынул рацию.

— Что скажет прокуратура?

— Он не может. Его слегка задело. Остальные в порядке.

— Тогда огонь на поражение. Меня видите?...

Его видели. Почти сразу же сверху ударили из нескольких стволов, сразив особо неистовых, — кому в ногу, кому в грудную клетку. А кого и в самую верхнюю кость...

Вольные стрелки моментально одумались. Кричат изо всех сил, да их не особо-то слушают. Не работают уши в суматохе боя. А может, решили всех под пулю поставить. И еще говорят, что лежащего не бьют. Бьют. Еще как. И плакать не дают.

— Не стреляйте! Поговорим! — орал один, стараясь за всех.

Его не слышали. Точно уши ментам заложило. Еще двоих положили, когда те кинулись со стволами на косогор.

— Лежать! — орет в логу мегафон. — Не двигаться...

Но те и не думают. О другом мечтает каждый теперь. Как бы живым выбраться из мясорубки. Землю ласкают. И почти уж мертвы, потому что не понимают: успела прошить их невидимая пуля или еще нет.

— Ползком! Кверху! — ревет опять мегафон. — Без команды не вставать!..

Счастье — это когда пули не жужжат. Браконьеры побросали оружие — и на полусогнутых к райской вершине, виляя задницами, проваливаясь коленями в сыром мху. Кто достигнет первым, тот живее всех живых окажется.

Однако первый ошибся, потому что попал под раздачу: помощник прокурора Заседателей, раненый по касательной в руку, бросился к тому первым, вопя по-звериному, — и с разгону вонзился ботинком в физиономию.

Пленник не возражал: лучше так. На худой конец — задницей на костер, чем с прошитыми насквозь мозгами!

Прокурору не мешали, и тот быстро устал.

Сказывался стресс и ранение. Взбил мужику тело поверх костей и отошел, часто дыша и свирепо оглядываясь.

Живых окружили, держа под прицелом. Прянишников распорядился надеть им наручники, заведя руки за спину.

Из лога поднимался Лушников Николай. Осторожно, приглядываясь, обошел вокруг тех, что остались лежать. И двинулся дальше. Двое раненых, остальные трупы.

Прянишников с Замалетдиновым собирали оружие, носили кверху. Остальные оставались в оцеплении. После этого, собрав оружие, стали перевязывать раненых. Сдохнут — туда им и дорога. Самим бы живыми остаться. После боя не до сантиментов.

Водитель — по совместительству санитар — щупал пульс у сраженного наповал браконьера, держа в руке пистолет. А тот вдруг дернулся с ножом в руке, норовя зацепить прапорщика. Зря он это сделал — выстрел из пистолета его опередил. Остальные на самом деле оказались мертвы.

Майор сел на поваленное бурей дерево. Винтовка между ног, прикладом в траву. Глаза бы не видели такую жизнь. Теперь точно застрянешь опять на полгода, пока с этой тягомотиной разгребут. Допрашивать будут все кому не лень — как да почему.

Рядом опустился помпрокурора с опухшими кулаками.

— Что у тебя с рукой? — спросил Лушников, поворачиваясь.

Осмотрел. Рана оказалась незначительная, словно на острый сучок краем правой руки наткнулся. Повыше запястья. Майор вынул из кармана индивидуальный пакет, вынул шприц и ввел человеку лекарство.

— Два в одном, — усмехнулся он, — против заражения и против стресса.

Наложил повязку и после этого успокоился.

Заседателей пригладил рыжие волосы, плюнул под ноги. Потом достал пачку сигарет с зажигалкой и протянул.

— Угощайся, Александрыч...

Они закурили, глядя в низину.

— Теперь я понял, как на самом деле бывает, — тихо сказал Заседателей и замолчал.

Группа захвата действовала ритмично. Без беготни. Двое беспрестанно наблюдали за пленниками. Те сидели на земле, согнув спины. В отдалении от них лежали громадные рюкзаки. Остальные сотрудники занимались оружием. В перчатках. Разряжали стволы и складывали рядом с машиной.

— Кажется, все здесь... — произнес Прянишников, садясь рядом и блуждая глазами по

лесу. — Бой записали на видео... Что дальше?

— Доложу шефу, а этих сейчас допросим... —
И к Заседателю: — Как вы на это смотрите?

Тот смотрел положительно. Допросить в обязательном порядке, пока в себя не пришли. И мешки перетрясти. Главное — определить, кому и что принадлежит.

Взялись за первый мешок. Развязали. Волосы шевельнулись на голове у майора: мешок был набит медвежьими лапами. В другом то же самое. В третьем — шкура дальневосточного леопарда.

Помощник прокурора вскочил и метнулся к задержанным, но Лушников его удержал. К чему теперь лишнее кровопусканье.

— Суки, гориллы! — орал Заседателев. — Их всего тридцать штук осталось в природе! — Как вас после этого называть?! Чей мешок?!

Пленники смотрели в землю.

— Дальневосточный леопард... Чей мешок, спрашиваю?!

Нашел дураков, чтобы ему просто так отвечали.

— Ничего. Разберемся... — Помощник угрожающе понизил голос. — Последнего мамонта — и того в лоскуты порвете... Рассказывай, кот помоешный!.. — Он ткнул носком ботинка в задницу одному. — Куда делась опергруппа?! Зимой?! Где наши люди?!

Однако тот молчит, словно валун. Молчат и остальные. Вместе им всем теперь хорошо. На миру и смерть красна.

Заседателев обернулся к Лушникову, отвел в сторону и зашептал растерянным голосом.

— Чо делать-то будем?

— Импровизировать... Только ты не задавай лишних вопросов...

Тот понял с полуслова. Время не ждет. Оно уходит безвозвратно, и с каждой секундой приходит в себя браконьер.

Лушников подошел к задержанным.

— В молчанку сыграть надумали? — спросил. — Ну, молчите тогда... Но я должен вас предупредить: сейчас будет море крови... Океаны страданий. Потому что я за себя не ручаюсь. — И к Прянишникову? — Где у нас?...

— Что?... — не понял тот.

— Сыворотка правды.

— Так это — в машине же всё лежит... Но у нас нечем ее разбодяжить!

Лушников обвел местность взглядом, уперся в ручей с мутной весенней водой.

— Нечем, говоришь?! Разбавить?! — крикнул он. — А это у нас что?! Не вода?!

— Надо бы вскипятить... Дело в том, что бактерии...

— Обойдутся! — оборвал его майор. —

Несите мне хоть из лужи. Разбавим и вколем сразу по кубику, запишем показания... — И к задержанным: — Кто не сдохнет — тот, без сомнения, останется жить. Некогда нам кипятить! Тащите этого первым!

Майор ткнул пальцем в мужика с разбитой рожей. Не везет человеку. Опять под раздачу попал.

— Чо я-то?... — хрюкнул тот, но ему не ответили. Мужика подхватили за перехваченные за спиной руки, дернули кверху — тот вскочил и сам побежал, норовя обогнать конвоиров и стараясь уйти от боли в плечевых суставах.

— В другой раз не задавай глупых вопросов, — сказал ему вслед Лушников.

Мужика подвели к задней дверце машины, вновь приподняли ему руки — пленник сам внутрь заскочил.

Браконьеры насупились, пригнулся к земле. Оперативники, не торопясь, принесли из машины огромных размеров шприц и набрали из ручья воды. Таким устройством крупный рогатый скот врачуют, но ментам, как видно, наплевать на здоровье задержанных. Менты... Им же все равно, козлам... В них же стреляли... Теперь они отыграются...

Допрос при помощи шприца оказался не долгим. Минут пять ушло всего. Зато допрашиваемый выбрался из машины и брякнулся

на колени. Во рту кляп. Мужика подняли и повели в другую сторону, в распадок. Там расстегнули наручники, завели руки вокруг матерой березы, снова замкнули и быстро вернулись.

Пленники пристально наблюдали за происходящим. Безотказно действует сыворотка. Вон как Серёнку продернуло, что даже с копыт соскочил.

— Чо вы ему рот-то законопатили? — спросил самый смелый.

— Покусать себя может... От сыворотки...

— Возьмите меня — я сам расскажу! — не выдержал один.

Просьбу удовлетворили. Подняли и повели.

Оставшиеся сверлили добровольца глазами. Интересно было, как с ним поступит полиция. Оказалось — гуманно. Рот оставили свободным. Однако к дереву все-таки прикрепили.

Помощник прокурора лично орудовал. Оперативник записывал показания на камеру. Протокол велся только по самому основному — когда, в каком месте и в присутствии кого совершали то или иное действие. Опергруппу отдела полиции, оказывается, подкараулили зимой, когда та шла по следу. Потом продолбили в реке прорубь и сунули трупы под лед — оттого и не нашли никого, что течением унесло в океан.

К машине подвели следующего и продолжили

допрос. Браконьер оказался податлив и говорил, косясь на огромный шприц с мутной жидкостью. Бывший охотник Сережа, как образец неудачника, теперь лежал на земле возле дерева. Его выворачивало наизнанку. Из рта шла пена. Другой мужик, пришпиленный дереву, просил оказать тому помощь.

От него отмахнулись. Отстаньте, не до вас.

Остальные, дожидаясь своей очереди, спрашивали, что происходит с их другом.

— пеной исходит... — ответил оперативник.

— Не имеете права.

На того, который это произнес, пристально посмотрели, и тот притих. Нашел время права качать.

Допрос закончили, после чего приступили к более тщательному осмотру и описи вещей — мешков. Развязали их все, вытряхнули содержимое. Шкуры дикий животных. медвежьи лапы для переброски в Китай. Говорят, если съесть суп из медвежьих лап, то станешь великим и могучим. Это по китайским поверьям, разумеется.

В одном мешке нашли еще один мешочек. Брезентовый. Набитый желтым металлическим песком. В тайге все есть — и шкуры и золото. Надо лишь уметь искать. Вот только охота и мытье золота как-то не вяжутся между собой. Золото могли прибрать к рукам, забрав у кого-то другого.

Как не забрать, когда мимо носа плывет. А косточки бывшего владельца лежат теперь где-нибудь под корягой в болоте.

Закончили с осмотром, составили протоколы. Дали подписать понятым — егерю и охотоведу, которых трясло от случившегося: встреча в логу оказалась кровавой — едва ли не половина браконьеров осталась лежать в логу. Лучше бы им всем там остаться. От тех, что остались в живых, жди теперь удара в спину. Хоть через десять лет, хоть через двадцать. Известное дело — месть. Знакомое дело — тайга. Говорят здесь ласково, словно бы нехотя. Но кирпич за пазухой держат. Не быть больше здесь спокойной жизни. Выбраться бы только из леса — и бежать. Пересечь Урал и жить где-нибудь в Европе.

Не пересечь и не жить. Чтобы переехать, средства нужны немалые. Придется теперь самим ходить при оружии и жать на курок в ожидании лучшей жизни. Ведь говорят же, что был порядок в здешних местах. И медведей ради одних только лап не добывали...

Наступили сумерки. Машины из отдела так и нет. И труповозки нет.

Задержанных пришлось свести в одно место. Каждый из них о собственных показаниях молчит. Одним лишь оперативникам известно, как вели себя задержанные на допросе. Шприц помог. И грязная

вода. И еще неумная настойчивость прокурорского работника — тот с трудом писал раненой рукой, но крепился.

— Можешь не стараться, — бормотал он, когда очередной задержанный садился перед ним к раскладному столику. — Сейчас ты нам все расскажешь... — и косился в сторону шприца. Тот лежал на сиденье, блестя толстой ветеринарной иглой. — Сыворотка правды... Она любому развяжет язык...

До шприца дело, конечно, не доходило. Его и не думал никто применять — вид этого ветеринарного инструмента действовал безотказно.

На ночь думали занять круговую оборону. Задержанных собрать кучнее — сами по бокам. Но тут подошел грузовой автозак, а за ним зеленый обшарпанный «Уазик», и браконьеров заставили таскать трупы товарищей и класть в «Уазик». Мужики не сопротивлялись, о гражданских правах больше не вспоминали. Живым бы остаться под стволами. Тем более что раненый прокурор напрямую теперь говорил, что зря, мол, жизнь подлецам сохранили — вот тебе и прокуратура.

К ночи погрузились и тронулись в обратный путь, едва соображая. Усталость давала о себе знать. Прошли первую деревню — бывший леспромхоз — пустынно кругом, ни души на улицах. Темнота стоит в окнах. Кругом развал и

запустение. Зато за поскотиной заметили группу людей с ружьями, среди которых были и женщины. Толпа расположилась серединой дороги, насуплено тарасилась в сторону машин.

Помощник прокурора замер. Намечалась очередная бойня.

— Приготовиться, — приказал майор. — Гранаты... Без остановок! Даже если будут стоять на дорогах.

Машины двигались на пониженных передачах.

Впереди продолжали стоять, потом поняли: не остановятся перед ними. Отступили на обочину, пятась и не скрывая оружия. Машины идут мимо толпы. Внутри — зловещая темнота. Тронь ее — и тебя самого потом закопают.

Лушников облегченно вздохнул. Проскочили. Дальше дорога пойдет лучше. Скорость будет выше. Даст бог, не догонят. Не хочется больше стрелять. Тем более в женщин.

Глава 3

Александр Сергеевич таял на глазах: лицом осунулся, глаза ввалились — один нос торчит посреди лица. Сегодняшний день был такой же, как и вчерашний. Никаких изменений в лучшую сторону. От сына тоже никаких вестей, хотя Тамара

Борисовна чуть не каждый день бегают на почту и отправляет ему заказные письма. Квитанцию принесет, покажет — и снова в карман. Квитанции, говорит, нужны ей для отчета, поскольку Александр Сергеевич теперь на обслуживании в ООО «Небесные дали». Впрочем, наносит от этих далей могильной близостью. Обслуживают, правда, неплохо. Стараются. А что они еще могут, если кирдык пришел мужику. Ведь не могут они мозги заменить!

Лушников устал от копаний в мозгах. С трудом поднялся с кровати и пошел в полусогнутом состоянии на кухню. Здесь он выпрямился, уставился в передний угол и стал молиться суровому богу. Лик у боженьки посветлел, по белым щекам пробежала волна.

Александр Сергеевич удивился: почему щеки белые у Христа? И откуда волны? Потом до него дошло, что с глазами у него не в порядке. Он прищурился и стал внимательно смотреть. Старая закоптелая икона стояла на самом верху кухонного гарнитура, в углу. Она от Ирины досталась. А той — от ее родни, от Гириных. Сегодня Ирина опять летала с Лушниковым, но не над джунглями, а над болотом. И громко спрашивала:

— Чем ты раньше-то думал?! Нежели до тебя не доходит?!..

Александр Сергеевич после таких вопросов

сразу проснулся и долго не мог уснуть. Слишком уж темные получались вопросы, непостижимые. Словно подсказать что-то хочет Ирина, хотя Александр Сергеевич и без подсказок знает, что дело швах: за каких-то полгода его свернуло в вопросительный знак. Аппетита нет. Голова шумит. То у него беспробудный сон, а то вдруг блуждание по комнатам. Диагноз — старческая болезнь. Дистрофия мозгов...

Квакнул квартирный звонок, и Александр Сергеевич вздрогнул. А ведь раньше не дрожал, по первому сигналу бежал к самолету, садился и взлетал.

Он развернулся и пошагал из кухни двери, бормоча под нос, чтобы его подождали. На углу он едва не упал — слегка занесло.

— Кто? — спросил Сергеич тусклым пещерным голосом.

— Не бойся! Я свой! — бойко ответили из-за двери. Кажется, Гирич.

— Сейчас открою. Ключи потерял...

Проговорил и снова надолго пропал. Гирич ждал, смотря на часы.

— Уснул там, что ли? — снова спросил, приплясывая у двери. — Обоссешься с тобой, пока ждешь!

Дверь отворилась. Гирич нетерпеливо толкнул ее, отодвинул с пути хозяина и побежал в туалет, не

оглядываясь. Закончил дело и выполз из туалета со счастливым лицом. Потом прошел в зал, сел в кресло, откинул ноги. Нисколько не изменился. Крепкий, низенький, кругленький. Обычный майор-вертолетчик. А что ему будет, если он теперь не летает.

Александр Сергеевич, шаркая башмаками, проследовал мимо и сел напротив. Мимо дивана не промазал — и то хорошо.

Гири́н недовольно хмыкнул: виделись вроде недавно, а кажется, что вечность прошла. Только за этот срок может так измениться человек — один нос и уши остались от «истребителя».

— Как ты живешь, Иван Иваныч? — просипел ослабленным голосом Александр Сергеевич.

— Лучше ты скажи, — перебил его Гири́н, — как твои дела?... Все так же?... Вижу-вижу. Значит, собрался на списание. И сынок, выходит, не пишет... А ты ему сам-то писал?!

Гири́н нарочно говорил громко. Казалось, Лушников плохо слышит.

— Какой я писатель... Тамара пишет...

— Кто такая?! — прикинулся Гири́н.

У Александра Сергеевича на лице мелькнуло подобие улыбки: «О гражданской жене позабыл, а еще друг называется...»

— Филькина у нее фамилия, — напомнил Сергеич. — Медсестра из поликлиники. Живем с

ней...

— Да что ты говоришь! — усмехнулся Гирин..

Гирин с досады махнул рукой. Виделись как-то раз: идут под ручку. Парой. Гусь да гагара. Брак по расчету, а не супружество это.

— Она у тебя хоть ночует когда? — спросил напрямую Гирин.

— Раньше ночевала... — признался Лушников. — Теперь нет. Укол сделает, посидит немного... Дела у нее тоже, дочь приехала...

Гирин с трудом смотрел на товарища. Был человек — и не стало. Одна видимость сохранилась пока что.

— Почему он не пишет, Колька-то? Неужели ему не стыдно?

— Не знаю, не могу сказать...

— А может, он до сих пор не в курсе?! А ну, взгляни сюда! Что ты глазами-то ерзаешь?! Что сотворил с квартирой?! Пожертвовал?!.. А медсестра?!.. Какую она роль играет у них?!. Тоже не можешь сказать?!

— Не могу...

— Ясненько!.. А чем тебя потчуют?

— Чего?

— Чем, говорю, лечат тебя?!

Александр Сергеевич не знал. Как и всех. Таблетками и уколами. Разве он виноват, что внезапно захворал.